

АНАЛИЗ ВИДОВ ГЛАГОЛА И ДЕЕПРИЧАСТИЯ В РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТАХ С ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

М. Китадзё

Университет Киото Санге, Киото, Япония
kitajo@cc.kyoto-su.ac.jp

Аннотация. В статье прослеживаются изменения в типичном расположении глаголов и деепричастий разного вида по отношению к конструкциям прямой речи.

В первой половине XIX века глагол независимо от аспектуального статуса занимает отдаленное от конструкций прямой речи место. Во второй половине XIX века глаголы СВ не отличаются закрепленным расположением по отношению к прямой речи, тогда как глаголы НСВ тяготеют к дистантному расположению по отношению к прямой речи. Сверх того в первой половине и во второй половине XX века глаголы СВ и НСВ симметрично помещаются: глаголы СВ — близко к конструкциям прямой речи, а глаголы НСВ — далеко от последних.

В первой половине XIX века деепричастия обычно занимает контрастные места в зависимости от вида: деепричастия СВ — близкое к конструкциям прямой речи место, а деепричастия НСВ, напротив, отделены от прямой речи. Однако во второй половине XIX века деепричастия СВ подвижны по отношению к КПр, а деепричастия НСВ все чаще помещаются близко к прямой речи. Эта тенденция сохраняется у деепричастий НСВ и в XX веке, в то время как деепричастия СВ на протяжении XX века нестабильны, располагаясь в первой половине XX века преимущественно близко к прямой речи, а во второй половине — обычно далеко от них.

Другими словами, в современных произведениях глаголы СВ и деепричастия НСВ (а отчасти и деепричастия СВ) в большей степени тяготеют к фигурированной ситуации, чем в классических. Только глаголы НСВ независимо от веков постоянно отдаляются от фигурированной ситуации.

Ключевые слова: фигура и фон, текстовые функции видов, расположение глагола и деепричастия, конструкции прямой речи.

Analysis of aspects of verb and converb in the Russian literary works from the diachronic point of view

M. Kitajo

Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan

kitajo@cc.kyoto-su.ac.jp

Abstract. Previous studies on verbal aspect have not paid sufficient attention to the functional differences between Russian perfective vs. imperfective verbs and converbs from a diachronic perspective. The aim of the present paper is to investigate them in terms of the parameters of “foreground vs. background”, which concerns, e.g., the position of direct speech constructions (DSCs). The latter are regarded as emotional and pragmatic turning points for the development of narration. Thus, DSCs are interpreted in our representation as a foreground and the rest of the text, as rather a background of narratives.

We analyze 34503 verbs (19179 perfectives and 15324 imperfectives) and 6870 converbs (2640 perfectives and 4230 imperfectives) from 16 Russian 19th–20th century literary works. Our main point of interest was the position of those verb forms in relation to DSCs. Proposed below are our findings regarding the frequency of use of the two types of verbs (perfectives or PVs, and imperfectives or IVs) and the two types of converbs (perfective or PCs, and imperfective or ICs).

VERB: In the first half of the 19th century, PVs and IVs were mostly used in positions separated from DSCs. In the second half of the 19th century, PVs do not show any preference as regards their position with respect to DSCs, while IVs mostly remain separated from DSCs. Both in the first, and in the second half of the 20th century, PVs frequently occur close to DSCs, whereas IVs invariably take distant positions with respect to DSCs, this trend continuing until the end of the 20th century.

CONVERB: In the first half of the 19th century, PCs are regularly found near DSCs, while ICs regularly prefer distant positions. The second half of the 19th century saw a change where the distance between PCs and DSCs shows ambivalence, while that between ICs and DSCs becomes rather close. In the first half of the 20th century, PCs are preferentially located near DSCs, whereas in the late 20th century PCs take distant positions from DSCs. ICs, on the contrary, are consistently found in the vicinity of DSCs both in the first and the second half of the 20th century.

In other words, in modern Russian literature, PVs and ICs become more relevant (as opposed to PCs) for foregrounded situations compared to classical works. IVs, in contrast, have invariably occupied distant positions.

Keywords: foreground, textual function of aspect, the position of verbs and converbs, the direct speech construction.

1. Введение

Одним из аспектов изучения функционирования категории вида является анализ видовых форм глагола, выступающих как средство организации текста. Во второй половине XX века наблюдения о роли вида в тексте делались многими исследователями ([Якобсон 1972; Виноградов 1980; Fontaine 1983; Маслов 1984; Поспелов 1990; Падучева 1993; Бондарко 1998; Золотова и др. 1998; Плунгян 2000]). Предшествующие исследователи, изучавшие текстовые функции видов глагола, выделяют повествовательную функцию совершенного вида и описательную функцию несовершенного вида. Но они не обращают должного внимания на текстовые функции вида деепричастия и не рассматривают текстовые функции видов глагола и деепричастия с диахронической точки зрения. Например, В. В. Виноградов [Виноградов 1980] пишет, что формы совершенного вида, словно обладая кинетической энергией, вытесняют друг друга, побуждая сюжет двигаться к развязке, и намечают «основной чертеж» повествования. В то же время «в этот “линейный чертеж” вносятся новые измерения формами прошедшего времени несовершенного вида» [Виноградов 1980: 114]. Виноградов [1986: 453–463] соотносит функции форм совершенного вида (динамическую и результативную) с функциями древних форм аориста и перфекта, а функции форм несовершенного вида (живописующую и качественно-характеризующую) — с ролью имперфекта. Следуя за В. В. Виноградовым, Г. А. Золотова [Золотова и др. 1998] соотносит выделенные им четыре функции не только с видо-временными формами глагола, но и с предикатами текста. Однако ни Виноградов, ни Золотова не упоминают вида деепричастия и исторического изменения текстовых функций деепричастия. Таким образом, до сих пор остаются белые пятна в исследовании функционирования видов глагола и деепричастия в тексте.

Наиболее заметным свойством текста является порядок его развертывания. Развертывание текста осуществляется за счет рематизации предложения — присоединения компонентов, несущих новую информацию, к уже реализованной части текста. Результатом последовательного объединения коммуникативно неравноценных компонентов является иерархичность повествования, в котором выделяются сюжетные линии, служащие продвижению сюжета, и побочные линии, которые находятся на периферии текста, не продвигая сюжет, а лишь расширяя и обогащая текст.

Доминирующая изобразительно-выразительная функция противопоставляет художественные тексты научно-деловым, в которых преобладает коммуникативная функция и для которых характерно наличие исключительно эксплицитного содержания. В художественной прозе развитие действия, сюжета проявляется во взаимоотношениях героев в определенных ситуациях. Естественно, что не все ситуации равнозначны. Важнейшая роль принадлежит напряженной ситуации, обозначающей переломные, эмоционально окрашенные моменты в развитии действия. В предшествующих исследованиях почти не упоминается об эмоционально-экспрессивных окрасках. Например, А. В. Бондарко [Бондарко 1998], исследуя соотношение глагольного вида с признаком изменения ситуации, отмечает, что совершенный вид, относящийся к изменениям ситуации, создает первый план повествования, передающего действие единичное, законченное в цепи других действий, и ведущего сюжет от завязки до развязки, а несовершенный вид, не относящийся к изменению ситуации, — фон в повествовании. При этом существует большая разница между простой временной последовательностью двух ситуаций и связью двух ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для реализации другой. Как отмечает Аристотель в «Поэтике», посвященной изучению системы средств выражения в литературном произведении, «большая разница, случится ли нечто вследствие чего-либо или после чего-либо» [Аристотель 1984: 657].

С развертыванием текста соотносится понятие фигуры. Понятие фигуры возникло первоначально в изобразительном искусстве и было введено в область психологии в начале XX века датским психологом Э. Рубином [Rubin 1915]. Фигурой называется замкнутая, выступающая вперед, привлекающая внимание часть феноменального поля, имеющая предметный характер. Фигура используется в целях

усиления художественной выразительности, эмоциональности литературного произведения. В художественном тексте фигурирующие ситуации в сумме составляют своего рода семантико-прагматический скелет текста, который автор текста хочет выделить на общем фоне повествования. В нашей концепции понятие фигуры соотносится с основными функциями СВ, в то время как НСВ играет роль фона для переломных ситуаций, соотносимых с СВ.

В связи с понятием фигуры мы обращаем внимание на конструкции прямой речи (далее КПр). В художественной прозе используются экспрессивные формы передачи чужой речи (прямая речь, несобственно-прямая речь, косвенная речь и др.). В отличие от других, прямая речь, как наиболее близкая к живой речи форма передачи чужого высказывания, выделяется особой эмоциональностью. Как известно, диалог — наиболее естественная форма языка, он является основным способом передачи речи персонажей в художественной литературе. Персонажи вступают в разнообразные отношения друг с другом. В контактах персонажей диалог порождает различные речевые акты, в которых отражаются отношения персонажей: требование, побуждение, просьба, вопрос, соглашение и др. По мнению А. Н. Баранова и Г. Е. Крейдлина [Баранов, Крейдлин 1992: 89], «инвариантной особенностью всех типов диалогов является динамический характер речевого взаимодействия». Такое речевое взаимодействие часто создает сюжетное напряжение.

КПр выступает в изобразительной функции, рисуя облик героя, у которого своя манера речевого поведения, и оживляет литературное повествование. Многие исследователи изучали текстовые функции КПр, определяя ее как «театральность» [Wierzbicka 1974], «кульминационный пункт повествования» [Waltz 1976; Witte 1977], «экспансивность» [Clark 1990]. В одной из предыдущих наших работ, посвященных русским деепричастиям [Китадзё 2014], было отмечено, что, по теории П. Дж. Хоппера и С. А. Томпсон [Hopper, Thompson 1980], употребление КПр соответствует фигуре. Эту нашу идею мы продолжаем развивать в данной работе.

Наша цель состоит в том, чтобы проанализировать отношения видов глагола (далее Г) и деепричастия (далее Д) к КПр в русских литературных произведениях XIX–XX веков и выяснить исторические изменения их текстовых функций. Мы предлагаем считать позиционное отношение Г и Д к КПр одним из факторов повествовательной функции «фигуры».

2. Расположение Г, Д и КПР

В литературном произведении КПР состоит из речи действующего лица и слов автора. Слова автора комментируют речь действующего лица, устанавливают связь между репликами диалога. Наше исследование выявило пять возможных позиций Г и Д в словах автора или в отдельном предложении по отношению к КПР. Ниже по каждой позиции мы приводим примеры глагола совершенного вида (далее ГСВ), глагола несовершенного вида (далее ГНСВ), деепричастия совершенного вида (далее ДСВ) и деепричастия несовершенного вида (далее ДНСВ).

I. Г, Д сливаются с КПР (далее ГКПР, ДКПР)

ГКПР

- (1) Что ты сделал, Сурин? — **спросил** (ГСВ) хозяин. [«Капитанская дочка», А. С. Пушкин]
- (2) — Да вот она, — **ответчал** (ГНСВ) ямщик. [«Капитанская дочка», А. С. Пушкин]

ДКПР

- (3) — Кого же сватать-то идете? — безразлично спросила она, **скрестив** (ДСВ) на высокой груди полные руки. [«Любовины», В. М. Шукшин]
- (4) — В общем, не видать тебе Марьи как своих ушей, — сказал Макар, **поднимаясь** (ДНСВ). [«Любовины», В. М. Шукшин]

II. Г, Д находятся в интерпозиции (далее КПР + Г + КПР, КПР + Д + КПР)

КПР + Г + КПР

- (5) — Не можете ли вы одолжить мне карандашика? — обратился Пигасов к Басистову.

Басистов не тотчас **понял** (ГСВ), что у него спрашивал Пигасов.

— Зачем вам карандаш? — проговорил он наконец. [«Рудин», И. С. Тургенев]

- (6) — Я люблю вас, — повторил он, — и как я мог так долго обманываться, как я давно не догадался, что люблю вас!.. А вы?.. Наталья Алексеевна, скажите, вы?..

Наталья едва **переводила** (ГНСВ) дух.

— Вы видите, я пришла сюда, — проговорила она наконец. [«Рудин», И. С. Тургенев]

КПР + Д + КПР

- (7) Юра сел с Леной, положил руку ей на плечо, холодно сказал:
— Очередная истерика старой девы.

Юра сказал это спокойно, обдуманно, **положив** (ДСВ) руку на плечо Лены.

— Прикуси язык, Шарок! — Саша исподлобья смотрел на него. Теперь есть повод за все с ним рассчитаться. [«Дети Арбата», А. Н. Рыбаков]

- (8) — Редактор здесь? — спросил Баулин.

Все задвигались, **разглядывая** (ДНСВ) Руночкина.

— Расскажите, Руночкин, как вы дошли до жизни такой, — проговорил Баулин с обычным своим зловещим добродушием. [«Дети Арбата», А. Н. Рыбаков]

III. Г, Д находятся непосредственно перед КПР (далее Г + КПР, Д + КПР)

Г + КПР

- (9) Наконец он **кашлянул** (ГСВ).

— Что ты? — спросил Илья Ильич. [«Обломов», И. А. Гончаров]

- (10) Но вот опять **звонят** (ГНСВ).

— Что это сегодня за раут у меня? — сказал Обломов. [«Обломов», И. А. Гончаров]

Д + КПР

- (11) Кузьма, как-то вдруг сразу **обессилен** (ДСВ), молчал.

— На то мы и люди, чтобы быть вместе, — говорил Евгений Николаевич. [«Последний срок», В. Г. Распутин]

- (12) Василий стоял у ворот, **выступая** (ДНСВ) из темноты высокой, крупной фигурой.

— Чего в избу не заходишь? — спросил Кузьма. [«Последний срок», В. Г. Распутин]

IV. Г, Д находятся непосредственно после КПр (далее КПр + Г, КПр + Д)

КПр + Г

- (13) — Удержите его, господа, удержите! — кричала Ольга Ивановна.

Она **кинулась** (ГСВ) за ним. [«Первые радости», К. А. Федин]

- (14) — Поехали, — докончил Мефодий.

Они **начинали** (ГНСВ) пьянеть. [«Первые радости», К. А. Федин]

КПр + Д

- (15) — Настоящий мордаш, — продолжал Ноздрев, — я, признаюсь, давно острил зубы на мордаша. На, Порфирий, отнеси его!

Порфирий, **взявши** (ДСВ) щенка под брюхо, унес его в бричку. [«Мертвые души», Н. В. Гоголь]

- (16) — Помилуйте, не только одеваться, но можете совершать при мне все, что угодно вашему превосходительству, — сказал Чириков.

Генерал стал умываться, **брызгаясь** (ДНСВ) и **фыркая** (ДНСВ), как утка. [«Мертвые души», Н. В. Гоголь]

V. Г, Д находятся на расстоянии более чем одного предложения от КПр (далее Г + более 1 пр. + КПр, КПр + более 1 пр. + Г, Д + более 1 пр. + КПр, КПр + более 1 пр. + Д). В этих случаях место КПр обычно занимает несобственно-прямая речь.

Г + более 1 пр. + КПр, КПр + более 1 пр. + Г

- (17) Вереница «уазиков» обгоняла самосвалы, шаткие автобусы с рабочей сменой. В головной машине сидел секретарь

райкома Костров, озабоченный, почти удрученный. Недавний обход строительства обнаружил множество огрехов, срывов, очередное невыполнение графиков. Станция снова **ошеломила** (ГСВ) его своей огромностью, сложностью. Он, в прошлом школьный учитель, не мог ее себе объяснить. Не мог соперничать с инженерами, создавшими станцию. Строители, виновные в неполадках и срывах, он уверен, были сведушими, образованными, знающими дело людьми. И он, не умея понять мучительную технологию стройки, драму управления, вынужден был вмешиваться, требовать, контролировать. [«Шестьсот лет после битвы», А. А. Проханов]

- (18) И эта едкая неприязнь и ревность сменились в нем смутной тревогой, посещавшей его теперь постоянно. Опасением — не за себя, а за все громадное любимое дело, за государство, которому верой и правдой служил, в незыблемость которого верил. И она, незыблемость, стала вдруг колебаться, породила страхи, сомнения. Новые времена, где ему не быть, куда **отпускал** (ГНСВ) от себя свое дело, сулили беды. И они, эти новые люди, оттеснявшие его, старика, сумеют ли справиться с бедами? Не напортят построенное с таким усилием? Не разбазарят накопленное с таким трудом? [«Шестьсот лет после битвы», А. А. Проханов]

Д + более 1 пр. + КПР, КПР + более 1 пр. + Д

- (19) Мармеладов опять остановился в сильном волнении. В это время вошла с улицы целая партия пьяниц, уже и без того пьяных, и раздались у входа звуки нанятой шарманки и детский, надтреснутый семилетний голосок, певший «Хуторок». Стало шумно. Хозяин и прислуга занялись вошедшими. Мармеладов, не **обращая** (ДНСВ) внимания на вошедших, стал продолжать рассказ. Он, казалось, уже сильно ослаб, но чем более хмелел, тем становился словоохотнее. Воспоминания о недавнем успехе по службе как бы оживили его и даже отразились на лице его каким-то сиянием. Раскольников слушал внимательно. [«Преступление и наказание», Ф. М. Достоевский]

- (20) Раскольников тотчас признал Катерину Ивановну. Это была ужасно похудевшая женщина, тонкая, довольно высокая

и стройная, еще с прекрасными темно-русскими волосами и действительно с раскрасневшимися до пятен щеками. Она ходила взад и вперед по своей небольшой комнате, **сжав** (ДСВ) руки на груди, с запекшимися губами и неровно, прерывисто дышала. Глаза ее блестели как в лихорадке, но взгляд был резок и неподвижен, и болезненное впечатление производило это чахоточное и взволнованное лицо, при последнем освещении догоравшего огарка, трепетавшем на лице ее. Раскольникову она показалась лет тридцати, и действительно была не пара Мармеладову... [«Преступление и наказание», Ф. М. Достоевский].

Пять типов расположения Г, Д и КПр разделяются на три группы: а) ГКПр и ДКПр могут занимать позицию в конструкции прямой речи, б) [КПр + Г, Д + КПр], [Г, Д + КПр], [КПр + Г, Д] — могут характеризоваться очень близким расположением глагола и деепричастия к конструкции прямой речи, в) многим глагольным формам [Г, Д + более 1 пр. + КПр], [КПр + более 1 пр. + Г, Д] свойственно сравнительно отделенное расположение глагола и деепричастия от конструкции прямой речи. Учитывая данные группы, мы рассмотрим частотность расположения ГСВ, ГНСВ, ДСВ, ДНСВ и КПр в произведениях XIX–XX веков, разделяя их на четыре периода (первую и вторую половины XIX в. и первую и вторую половины XX в.). Нами рассмотрены контексты с 19179 ГСВ, 15324 ГНСВ, 2640 ДСВ и 4230 ДНСВ из 16 литературных произведений: 1) произведения первой половины XIX в.: «Капитанская дочка» (А. С. Пушкин), «Герой нашего времени» (М. Ю. Лермонтов), «Мертвые души» (т. 1) (Н. В. Гоголь), «Кто виноват?» (А. И. Герцен), 2) произведения второй половины XIX в.: «Обломов» (ч. 1) (И. А. Гончаров), «Рудин» (И. С. Тургенев), «Преступление и наказание» (ч. 1–2) (Ф. М. Достоевский), «Воскресение» (ч. 1) (Л. Н. Толстой), 3) произведения первой половины XX в.: «Мать» (ч. 1) (М. Горький), «Мастер и Маргарита» (М. А. Булгаков), «Поднятая целина» (к. 1) (М. А. Шолохов), «Первые радости» (К. А. Федин), 4) произведения второй половины XX в.: «Любовины» (В. М. Шукшин), «Последний срок» (В. Г. Распутин), «Дети Арбата» (А. Н. Рыбаков), «Шестьсот лет после битвы» (А. А. Проханов).

3. Анализ расположения Г, Д и КПП в произведениях XIX–XX вв.

3.1. Расположение Г и КПП

Все данные о расположении Г и КПП в произведениях XIX века сведены в *Таблицы 1 и 2*.

Таблица 1. Частотность употребления ГСВ, ГНСВ и КПП
в произведениях первой половины XIX в.
Table 1. The frequency of use of Imperfective verbs,
Perfective verbs and direct speech constructions
in the texts of the 1st half of the 19th century

Вид глагола	ГСВ			ГНСВ		
	А	б	в	а	б	в
Капитанская дочка	300	353	812	163	132	925
Герой нашего времени	253	186	790	140	113	843
Мертвые души (т. 1)	438	113	830	220	60	1295
Кто виноват?	96	86	576	71	85	903
Итого	1087	738	3008	594	390	3966

$$\chi^2=440.5870. \nu=15. p<0.005$$

Таблица 1 (как и *Таблицы 2, 3, 4*) устроена следующим образом: в строках обозначены названия произведений, в столбцах «а» — ГКПП, «б» — КПП + Г + КПП / Г + КПП / КПП + Г, «в» — Г + более одного предложения + КПП / КПП + более одного предложения + Г. Столбцы «а» и «б» содержат данные совпадающей с КПП и близкой к КПП групп, а «в» — данные по отделенной от КПП группе. Высокая частотность показана жирным. В этой таблице в 4 произведениях ГСВ и ГНСВ преимущественно употребляются в «в». Под данной и следующими далее таблицами приведено значение критерия χ^2 Пирсона, число степеней свободы для данного распределения и значение p — вероятности получения такого распределения при отсутствии различий между произведениями. При значении p меньше, чем 0,05, можно заключить, что между произведениями есть значимые различия в распределении исследуемых конструкций.

Таблица 2. Частотность употребления ГСВ, ГНСВ и КПП
в произведениях второй половины XIX в.

Table 2. The frequency of use of Imperfective verbs, Perfective verbs and direct speech constructions in the texts of the 2nd half of the 19th century

Вид глагола	ГСВ			ГНСВ		
	а	б	в	а	б	в
«Обломов» (ч. 1)	491	153	199	174	60	493
Рудин	396	256	306	48	70	374
Преступление и наказание (ч. 1–2)	242	308	1032	128	174	1612
Воскресение (ч. 1)	294	163	1558	45	62	921
Итого	1423	880	3095	350	366	3400

$$\chi^2=1846.8821. v=15. p<0.005$$

Как видно из таблицы, ГСВ в двух произведениях («Обломов» и «Рудин») особенно часто встречается в позициях «а» и «б», а в произведениях «Преступление и наказание» и «Воскресение» глагол чаще попадает за пределы КПП («в»). Между тем как ГНСВ во всех четырех произведениях сосредоточенно употреблен в «в».

Далее мы перейдем к рассмотрению произведений XX века. Все расположения Г и КПП в произведениях XX века сведены в *Таблицу 3* и в *Таблицу 4*.

Таблица 3. Частотность употребления ГСВ, ГНСВ и КПП
в произведениях первой половины XX в.

Table 3. The frequency of use of Imperfective verbs, Perfective verbs and direct speech constructions in the texts of the 1st half of the 20th century

Вид глагола	ГСВ			ГНСВ		
	а	б	в	а	б	в
Мать (ч. 1)	236	154	102	50	110	444
Мастер и Маргарита	337	186	505	51	81	395
Поднятая целина (к. 1)	323	222	316	102	106	381
Первые радости	240	134	234	31	53	464
Итого	1136	696	1157	234	350	1684

$$\chi^2=320.0114. v=15. p<0.005$$

Как показывает таблица, ГСВ в трех произведениях («Мать», «Поднятая целина», «Первые радости») в большинстве случаев употребляется в позициях «а» и «б», только в «Мастере

и Маргарите» — во всех трех позициях («а», «б» и «в»). Тогда как ГНСВ в 4 произведениях главным образом помещается в «в».

Таблица 4. Частотность употребления ГСВ, ГНСВ и КПП в произведениях второй половины XX в.

Table 4. The frequency of use of Imperfective verbs, Perfective verbs and direct speech constructions in the texts of the 2nd half of the 20th century

Вид глагола	ГСВ			ГНСВ		
	а	б	в	А	б	В
Любавины	1052	1002	959	221	392	1445
Последний срок	273	113	279	102	115	1317
Дети Арбата	353	149	321	112	117	869
Шестьсот лет после битвы	449	286	723	215	207	2844
Итого	2127	1550	2282	650	831	6475

$$\chi^2=1489.8258. v=15. p<0.005$$

Как видно из таблицы, ГСВ в трех произведениях («Любавины», «Последний срок», «Дети Арбата») большей частью принадлежит к «а» и «б», только в книге «Шестьсот лет после битвы» ГСВ располагается в позициях «а», «б» и «в» поровну, в то время как ГНСВ в 4 произведениях концентрированно используется в «в».

3.2. Расположение Д и КПП

Дальше будем обращать внимание на частотность расположения Д и КПП. Все примеры расположения Д и КПП в произведениях XIX века сведены в *Таблицу 5* и в *Таблицу 6*.

Таблица 5. Частотность употребления ДСВ, ДНСВ и КПП в произведениях первой половины XIX в.

Table 5. The frequency of use of Imperfective converbs, Perfective converbs and direct speech constructions in the texts of the 1st half of the 19th century

Вид деепричастия	ДСВ			ДНСВ		
	а	б	В	а	Б	в
Капитанская дочка	58	23	62	79	17	130
Герой нашего времени	63	22	48	35	14	94
Мертвые души (т. 1)	136	48	136	89	13	114
Кто виноват?	42	20	73	47	16	107
Итого	299	113	319	250	60	445

$$\chi^2=65.2222. v=15. p<0.005$$

Таблица 5 (как и Таблицы 6, 7, 8) устроена таким же образом, как и предыдущие: в строках обозначены названия произведений, в столбцах «а» — ДКПР, «б» — КПР + Д + КПР / Д + КПР / КПР + Д, «в» — Д + более одного предложения + КПР / КПР + более одного предложения + Д. [«а» и «б»] означает близкую к КПР группу, а «в» — отделенную от КПР группу. Высокая частотность показана полужирным. Как видно из таблицы, ДСВ в трех произведениях («Капитанская дочка», «Герой нашего времени», «Мертвые души») по большей части собирается в позициях «а» и «б», только в «Кто виноват?» ДСВ тяготеет к «в». Между тем ДНСВ в 4 произведениях предпочтительно входит в «в».

Таблица 6. Частотность употребления ДСВ, ДНСВ и КПР в произведениях второй половины XIX в.
Table 6. The frequency of use of Imperfective converbs, Perfective converbs and direct speech constructions in the texts of the 2nd half of the 19th century

Вид деепричастия	ДСВ			ДНСВ		
	а	б	в	а	б	в
Обломов (ч.1)	75	5	11	162	25	56
Рудин	48	5	33	48	7	49
Преступление и наказание (ч. 1–2)	46	10	106	110	34	142
Воскресение (ч.1)	78	43	259	24	37	385
Итого	247	63	406	344	103	632

$$\chi^2=499.0336. \nu=15. p<0.005$$

В этой таблице Д показывает разные частотности употребления. ДСВ в двух произведениях («Обломов» и «Рудин») главным образом тяготеет «а» и «б», а в двух других произведениях («Преступление и наказание» и «Воскресение») — к «в». При этом ДНСВ в 2 произведениях («Обломов» и «Рудин») в основном находится в «а» и «б», а в романе «Воскресение» — в «в», и к тому же в «Преступлении и наказании» ДНСВ употребляется в «а», «б» и «в» поровну.

Дальше будем рассматривать произведения XX века. Все примеры расположения Д и КПР в произведениях XX века сведены в Таблицы 7 и 8.

Таблица 7. Частотность употребления ДСВ, ДНСВ и КПП
в произведениях первой половины XX в.

Table 7. The frequency of use of Imperfective converbs, Perfective converbs and direct speech constructions in the texts of the 1st half of the 20th century

Вид деепричастия	ДСВ			ДНСВ		
	А	б	в	а	б	в
Позиция						
Мать (ч.1)	48	16	27	105	15	63
Мастер и Маргарита	61	18	49	88	24	32
Поднятая целина (к.1)	35	20	70	128	56	88
Первые радости	26	11	31	81	20	43
итого	170	65	177	402	115	226

$$\chi^2=77.50325. \nu=15. p<0.005$$

Как видно из таблицы, ДСВ в 3 произведениях («Мать», «Мастер и Маргарита», «Первые радости») чаще всего содержится в «а» и «б», только в «Поднятой целине» — в «в». В то же время, ДНСВ в 4 произведениях преимущественно относится к «а» и «б».

Таблица 8. Частотность употребления ДСВ, ДНСВ и КПП
в произведениях второй половины XX в.

Table 8. The frequency of use of Imperfective converbs, Perfective converbs and direct speech constructions in the texts of the 2nd half of the 20th century

Вид деепричастия	ДСВ			ДНСВ		
	а	б	в	а	б	В
Позиция						
Любавины	33	48	112	287	49	82
Последний срок	28	4	64	145	30	106
Дети Арбата	122	38	150	193	52	70
Шестьсот лет после битвы	17	10	152	276	95	268
Итого	200	100	478	901	226	526

$$\chi^2=293.3779. \nu=15. p<0.005$$

Как показывает таблица, ДСВ в трех произведениях («Любавины», «Последний срок», «Шестьсот лет после битвы») в большинстве случаев расположены в «в», только в «Детях Арбата» ДСВ располагается в «а» и «б». В то же время ДНСВ в 4 произведениях включены исключительно в [«а» и «б»].

Закljučая нашу работу, приведем характерный текст, в котором типично употребляются ГСВ, ГНСВ, ДСВ, ДНСВ.

В примере (21) диалог происходит между пожилыми супругами (Гаврилой и его женой) и их земляком, казаком (Прохором). Прохор был свидетелем смерти единственного сына Гаврилы (Петро) и под пытливым взглядом и вопросами старика описывает гибель Петро во всех подробностях. Гаврила приходит в ярость от трагической новости. Гаврила Василич обращает всю боль, которая жила в его душе долгое время, на Прохора. Этот факт вносит напряжение в атмосферу диалога.

(21) Перед завтраком **глянул** (ГСВ) Гаврила в окно, **сказал** (ГСВ) почему-то шепотом:

— Прохор идет!

Вошел он, на казака не похожий, чужой обличьем. Скрипели на ногах у него кованые английские ботинки, и мешковато сидело пальто чудного покроя, с чужого плеча, как видно.

— Здорово живешь, Гаврила Василич!..

— Слава богу, служивый!.. Проходи, садись.

Прохор **снял** (ГСВ) шапку, **поздоровался** (ГСВ) со старухой и **сел** (ГСВ) на лавку, в передний угол.

— Ну, и погодка пришла, снегу надуло — не пройдешь!..

— Да, снега нынче рано упали... В старину в эту пору скотина на подножном корму ходила.

На минутку тягостно **замолчали** (ГСВ). Гаврила, с виду равнодушный и твердый, **сказал** (ГСВ):

— Постарел ты, парень, в чужих краях!

— Молодеть-то не с чего было, Гаврила Василич! — **улыбнулся** (ГСВ) Прохор.

Зайкнулась (ГСВ) было старуха:

— Петра нашего...

— Замолчи-ка, баба!.. — строго **прикрикнул** (ГСВ) Гаврила. — Дай человеку опомниться с морозу, успеешь... узнать!..

Поворачиваясь (ДНСВ) к гостю, **спросил** (ГСВ):

— Ну как, Прохор Игнатич, протекала ваша жизнь?

— Хвалиться нечем. Дотянул до дому, как кобель с отбитым задом, и то — слава богу.

— Та-а-ак... Плохо у турка жилось, значит?

— Концы с концами насилу связывали. — Прохор **побарабанил** (ГСВ) по столу пальцами. — Однако и ты, Гаврила

Василич, дюже постарел, седина вон как обрызгала тебе голову... Как вы тут живете при Советской власти?

— Сына вот жду... стариков, нас докармливать... — криво **улыбнулся** (ГСВ) Гаврила.

Прохор торопливо **отвел** (ГСВ) глаза в сторону. Гаврила **приметил** (ГСВ) это, **спросил** (ГСВ) резко и прямо:

— Говори: где Петро?

— А вы разве не слыхали?

— По-разному слыхали, — **отрубил** (ГСВ) Гаврила.

Прохор **свил** (ГСВ) в пальцах грязную бахромку скатерти, **заговорил** (ГСВ) не сразу:

— В январе, кажись... Ну да, в январе, стояли мы сотней возле Новороссийского... Город такой у моря есть... Ну, обнакновенно стояли...

— Убит, что ли?.. — **нагибаясь** (ДНСВ), низким шепотом **спросил** (ГСВ) Гаврила.

Прохор, не **поднимая** (ДНСВ) глаз, **промолчал** (ГСВ), слово и не слышал вопроса.

— Стояли, а красные прорывались к горам: к зеленым на соединенье. Назначает его, Петра вашего, командир сотни в разъезд... Командиром у нас был подъесаул Сенин... Вот тут и случись... понимаете...

Возле печки звонко **стукнул** (ГСВ) упавший чугун, старуха, **вытягивая** (ДНСВ) руки, **шла** (ГНСВ) к кровати, крик **распирал** (ГНСВ) ей горло.

— Не вой!!! — грозно **рявкнул** (ГСВ) Гаврила и, **облокотясь** (ДНСВ) о стол, **глядя** (ДНСВ) на Прохора в упор, медленно и устало **проговорил** (ГСВ): — Ну, кончай!

— Срубили!.. — **бледнея** (ДНСВ), **выкрикнул** (ГСВ) Прохор и **встал** (ГСВ), **нащупывая** (ДНСВ) на лавке шапку. — Срубили Петра... насмерть... Остановились они возле леса, коням передышку давали, он подпругу на седле отпустил, а красные из лесу... — Прохор, **захлебываясь** (ДНСВ) словами, дрожащими руками **мял** (ГНСВ) шапку. — Петро черк за луку, а седло коню под пузо... Конь горячий... не сдержал, остался... Вот и все!..

— А ежели я не верю?.. — раздельно **сказал** (ГСВ) Гаврила.

Прохор, не **оглядываясь** (ДНСВ), торопливо **пошел** (ГСВ) к двери.

— Как хотите, Гаврила Василич, а я истинно... Я правду говорю... Гольную правду... Своими глазами видал...

— А ежели я не хочу этому верить?! — багровея, **захрипел** (ГСВ) Гаврила. Глаза его **налились** (ГСВ) кровью и слезами. **Разодрав** (ДСВ) у ворота рубаху, он голой волосатой грудью **шел** (ГНСВ) на оробевшего Прохора, **стонал** (ГНСВ), **запрокидывая** (ДНСВ) потную голову:

— Одного сына убить?! Кормильца?! Петьку мово?! Бре- шешь, сукин сын!.. Слышишь ты?! Бре- шешь! Не верю! [«Чужая кровь», М. А. Шолохов].

В данном фрагменте используются только близкие к КПР группы (ГКПР, ДКПР, КПР + Г + КПР, КПР + Д + КПР). Среди них подавляющее большинство составляют ГСВ и ДНСВ: 30 ГСВ (*глянул, сказал* (3), *снял, поздоровался, сел, замолчали, улыбнулся* (2), *заикнулась, прикрикнул, спросил* (3), *побарабанил, отвел, заметил, отрубил, свил, заговорил, промолчал, стукнул, рывкнул, проговорил, выкрикнул, встал, пошел, захрипел, налились*) и 11 ДНСВ (*поворачиваясь, нагибаясь, поднимая, вытягивая, глядя, бледнея, нащупывая, захлебываясь, оглядываясь, багровея, запрокидывая*). В то время ГНСВ и ДСВ немногочисленны: 5 ГНСВ (*шла, распирал, мля, шел, стонал*) и всего 1 ДСВ (*разодрав*). Таким образом, ГСВ и ДНСВ активнее участвуют в фигурированной ситуации, чем ГНСВ и ДСВ.

4. Заключение

Частотность расположения Г, Д и КПР в произведениях XIX–XX веков резюмирована в *Таблице 9* на с. 338. («ОК» означает высокую частоту. / «?» — возможность высокой частоты.)

На основании данных, представленных в *Таблице 9*, можно сделать следующие выводы.

ГЛАГОЛ:

В первой половине XIX века независимо от аспектуального различия Г в общем занимает отделенное от КПР место. Но во второй половине XIX века ГСВ не находит себе преимущественного места по отношению к КПР, тогда как ГНСВ показывает заметную ориентированность на отдаленное место от КПР. Кроме того, в первой

Таблица 9. Частотность расположения Г, Д и КПП
в произведениях XIX–XX вв.

Table 9. The frequency of verbs, converbs and direct speech constructions
in the texts of the 19–20th centuries

			XIX в.		XX в.	
			п. п.	в. п.	п. п.	в. п.
Г	СВ	близкое к КПП		ОК	ОК	ОК
		отделенное от КПП	ОК	ОК		
	НСВ	близкое к КПП				
		отделенное от КПП	ОК	ОК	ОК	ОК
Д	СВ	близкое к КПП	ОК	ОК	ОК	
		отделенное от КПП		ОК		ОК
	НСВ	близкое к КПП		ОК	ОК	ОК
		отделенное от КПП	ОК	?		

половине и во второй половине XX века ГСВ и ГНСВ симметрично помещаются: ГСВ — близко к КПП, а ГНСВ — далеко от КПП.

ДЕЕПРИЧАСТИЕ:

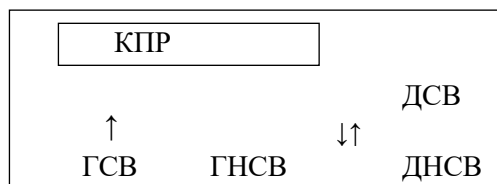
В первой половине XIX века Д обычно занимает контрастные места в зависимости от аспекта: ДСВ — близкое к КПП место, а ДНСВ — отдаленное от КПП место. Однако во второй половине XIX века ДСВ не стабилизируется по отношению к КПП, а ДНСВ, колеблясь, склоняется к близкому к КПП месту. После этого ДСВ между первой и второй половинами XX века проявляет противоположные тенденции: в первой половине ДСВ главным образом направляется на близкое к КПП место, а во второй половине — на отдаленное от КПП место. В то же время ДНСВ в первой половине и во второй половине XX века последовательно располагается близко от КПП.

Другими словами, в современных произведениях ГСВ и ДНСВ сильнее (ДСВ слабее) тяготеют к фигурированной ситуации, чем в классических. Только ГНСВ независимо от периода постоянно отдаляется от фигурированной ситуации.

Итак, результаты нашего анализа отражены в схеме 1.

Схема 1. Изменение отношений ГСВ, ГНСВ, ДСВ, ДНСВ с КПП
в произведениях XIX–XX вв.

Scheme 1. The change in relations between Perfective verbs, Imperfective verbs, Perfective converbs, Imperfective converbs, and direct speech constructions in the texts of the 19–20th centuries

XIX век получил название «золотого века» русской культуры, которая заняла выдающееся положение в общемировой культуре. Именно во второй половине XIX века были созданы произведения, по которым и сегодня во всем мире судят о русской культуре и русском характере в целом. Описывая морфологическую систему русского литературного языка во второй половине XIX века, В. В. Виноградов [Виноградов 1982] отмечает, что она подверглась большим изменениям. По его словам, «процесс стабилизации грамматической системы русского литературного языка во второй половине XIX в. сопровождается унификацией грамматических форм — при очень значительном усложнении их функций — и заметным сдвигом в сторону аналитического строя, вытесняющего по многим направлениям элементы былого синтетизма» [Виноградов 1982: 477]. Имея в виду, что в произведениях второй половины XIX века, в отличие от других периодов, наблюдаются ощутимые колебания в отношениях Г и Д с КПП, можно сказать, что на диахроническом изменении отношений Г и Д с КПП сказываются динамические процессы, отраженные в русских литературных произведениях XIX–XX веков.

Как уже сказано, КПП (соответствующая фигуре) является одним из сильнейших средств передачи эмоций и связанных с ними оттенков смысла. В современных произведениях ГНСВ и ДСВ, ГСВ и ДНСВ крепко связываются с КПП и помогают выражать напряженную ситуацию.

Литература

Аристотель 1984 — Аристотель. Поэтика. Сочинения в 4-х тт. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 645–680.

- Баранов, Крейдлин 1992 — А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания. 1992. № 3. С. 84–93.
- Бондарко 1998 — А. В. Бондарко. Проблемы инвариантности / вариантности и маркированности / немаркированности в сфере аспектологии // М. Ю. Черткова (ред.). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 64–80.
- Виноградов 1980 — В. В. Виноградов. Стиль «Пиковой дамы» // В. В. Виноградов О языке художественной прозы. Избранные труды. Т. 5. М.: Наука, 1980. С. 176–249.
- Виноградов 1982 — В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1982.
- Виноградов 1986 — В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1986.
- Золотова и др. 1998 — Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Наука, 1998.
- Китадзё 2014 — М. Китадзё. Видовые синонимичные формы русских деепричастий и причастий в художественном тексте // О. Я. Титаренко (ред.). Типология вида / аспекта: проблемы, поиски, решения. Симферополь: ДИАЙПИ, 2014. С. 30–48.
- Маслов 1984 — Ю. С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984.
- Падучева 1993 — Е. В. Падучева. Результативные значения несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциональное // Вопросы языкознания. 1993. № 1. С. 64–74.
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология: введение в проблематику. М.: УРСС, 2000.
- Поспелов 1990 — Н. С. Поспелов. Мысли о русской грамматике. Избранные труды. М.: Наука, 1990.
- Якобсон 1972 — Р. О. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Б. А. Успенский, Г. О. Ревзина (ред.). Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95–113.
- Clark, Gerring 1990 — H. H. Clark, R. J. Gerring. Quotations as demonstrations // *Language*. 1990. Vol. 66. No. 4. P. 764–805.
- Fontaine 1983 — J. Fontaine. Grammaire du texte et aspect du verbe en russe contemporain. Paris: Institut d'Études Slaves, 1983.
- Hopper, Thompson 1983 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. 1980. Vol. 56. No. 2. P. 251–299.
- Rubin 1915 — E. Rubin. Synsoplevede figurer, studier i psykologisk analyse. Kobenhavn og Kristiania: Gyldendal, Nordisk forlag, 1915.
- Waltz 1976 — N. Waltz. Discourse functions of Guanano sentence and paragraph // R. E. Longacre (ed.). *Discourse Grammar: studies in indigenous*

- languages of Colombia, Panama and Ecuador. Pt. 1. Dallas: Summer Institute of Linguistics, 1976. P. 21–145.
- Wierzbicka 1974 — A. Wierzbicka. The semantics of direct and indirect discourse // Paper in linguistics. 1974. Vol. 7. Iss. 3–4. P. 267–307.
- Witte 1977 — P. Witte. Function of the Andoke copulative in discourse and sentence structure // R. E. Longacre (ed.). Discourse Grammar: studies in indigenous languages of Colombia, Panama and Ecuador. Pt. 3. Dallas: Summer Institute of Linguistics, 1977. P. 253–288.

References

- Aristotle 1984 — Aristotle. Poetika. Sochineniya v 4-h tt. T. 4 [Poetics. Complete collection in 4 vol. Vol. 4]. Moscow: Mysl, 1984. P. 645–680.
- Baranov, Kreidlin 1992 — A. N. Baranov, G. E. Kreidlin. Struktura dialogicheskogo teksta: leksicheskie pokazateli minimalnykh dialogov [Structure of a dialogical text: lexical markers of minimum dialogues]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1992. No. 3. P. 84–93.
- Bondarko 1998 — A. V. Bondarko. Problemy invariantnosti / variantnosti i markirovannosti / nemarkirovannosti v sfere aspektologii [The problem of invariance / variation and markedness / unmarkedness in the field of aspectology]. M. Iu. Chertkova (ed.). *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya* [Typology of aspect: problems, search, decision]. Moscow: Shkola “Yazyki russkoy kultury”, 1998. P. 64–80.
- Clark, Gerring 1990 — H. H. Clark, R. J. Gerring. Quotations as demonstrations. *Language*. 1990. Vol. 66. No. 4. P. 764–805.
- Fontaine 1983 — J. Fontaine. Grammaire du texte et aspect du verbe en russe contemporain. Paris: Institut d’Études Slaves, 1983.
- Hopper, Thompson 1983 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse. *Language*. 1980. Vol. 56. No. 4. P. 251–299.
- Jakobson 1972 — R. O. Jakobson. Shiftery, glagolnye kategorii i russkiy glagol [Shifters, verbal categories and the Russian verb]. B. A. Uspenskiy, G. O. Revzina (eds.). *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of typological analysis of languages of various structure]. Moscow: Nauka, 1972. P. 95–113.
- Kitajo 2014 — M. Kitajo. Vidovye sinonimichnye formy russkikh dееprichastiy i prichastiy v khudozhestvennom tekste [Aspectual synonymous forms of Russian verbs and converbs in the literary text]. O. Ya. Titarenko (ed.). *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya* [Typology of aspect: problems, search, decision]. Simferopol: DIAIPI, 2014. P. 30–48.
- Maslov 1984 — Iu. S. Maslov. Ocherki po aspektologii [The Essays on aspectology]. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1984.
- Paducheva 1993 — E. V. Paducheva. Rezultativnye znachenya nesovershenno-go vida v russkom yazyke: obshchefakticheskoe i aktsionalnoe [Resultative

- meaning of the imperfective aspect in Russian language: obshchefakticheskoe and aktsionalnoe]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1993. No. 1. P. 64–74.
- Plungian 2000 — V. A. Plungian. Obshchaya morfologiya: vvedenie v problematiku [General morphology: introduction to problematics]. Moscow: URSS, 2000.
- Pospelov 1990 — N. S. Pospelov. Mysli o russkoy grammatike. Izbrannye trudy [Thoughts on Russian grammar. Selected Writings]. Moscow: Nauka, 1990.
- Rubin 1915 — E. Rubin. Synsoplevede figurer, studier i psykologisk analyse. Kobenhavn og Kristiania: Gyldendal, Nordisk forlag, 1915.
- Vinogradov 1980 — V. V. Vinogradov. Stil “Pikovoy damy” [The style of “The Queen of Spades”]. V. V. Vinogradov. *O yazyke khudozhestvennoy prozy. Izbrannye trudy*. T. 5 [On the language of literary prose. Selected Writings. Vol. 5]. Moscow: Nauka, 1980. P. 176–249.
- Vinogradov 1982 — V. V. Vinogradov. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov [The Essays on the history of the Russian literary language of the 17–19 century]. Moscow: Vysshaya shkola, 1982.
- Vinogradov 1986 — V. V. Vinogradov. Russkiy yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [The Russian language. The grammatical doctrine of the word]. Moscow: Vysshaya shkola, 1986.
- Waltz 1976 — N. Waltz. Discourse functions of Guanano sentence and paragraph. R. E. Longacre (ed.). *Discourse Grammar: studies in indigenous languages of Colombia, Panama and Ecuador*. Dallas: Summer Institute of Linguistics, 1976. P. 21–145.
- Wierzbicka 1974 — A. Wierzbicka. The semantics of direct and indirect discourse. *Paper in linguistics*. 1974. Vol. 7. Iss. 3–4. P. 267–307.
- Witte 1977 — P. Witte. Function of the Andoke copulative in discourse and sentence structure. R. E. Longacre (ed.). *Discourse Grammar: studies in indigenous languages of Colombia, Panama and Ecuador*. Pt. 3. Dallas: Summer Institute of Linguistics, 1977. P. 253–288.
- Zolotova et al. — G. A. Zolotova, N. K. Onipenko, M. Iu. Sidorova. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka [Communicative grammar of Russian language]. Moscow: Nauka, 1998.